

Культуроформирующая роль немцев в допетровской России

Встающие перед современной Россией проблемы обязывают исследователей систематически отслеживать и анализировать социально-экономическую, политическую ситуацию в стране и предлагать пути развития. Потребность в модернизации стала, по большому счету, вопросом сохранения российской государственности. Модернизация уже началась с создания новых научных центров, введения современных принципов и методов обучения, привлечения новейших зарубежных технологий, приглашения в Россию иностранных специалистов, а также своих российских специалистов, оказавшихся за рубежом.

Логичным представляется вопрос – был ли в истории российского государства период, который, с необходимыми оговорками и поправками, мог бы стать позитивным историческим обоснованием начинающегося модернизационного этапа? Начало этому периоду было положено, как известно, петровскими реформами. Однако, давно известно, что иностранные специалисты приглашались в Россию задолго до вступления на трон Петра. Именно этому периоду и посвящен мой доклад.

Готовя данное сообщение, я первоначально задумался о том какое отношение к данной теме, да еще применительно к XVI-XVII векам имеет творчество великого Канта? И связь эту, как мне кажется, я нашел. Известно, что Кант теоретически обосновал и пропагандировал понятие «личность». Он говорил, что практический нравственный закон («категорический императив»)

возможен только при наличии абсолютной ценности, которую представляет собой человек, но не просто человек, а личность в полном смысле этого слова. В учении Канта представление о личности неотделимо от идеи долга. Иноземца, в частности немца, звал в Россию, разумеется, не долг, а желание заработать. У себя дома квалифицированный немец часто просто не имел работы. Находясь в России по контракту, немец, в соответствии со своей ментальностью, работал отлично. Немец и в России практически реализовывал протестантскую мораль, которая требовала от него аккуратности, тщательности, дисциплины. В условиях деспотического государства, где по отношению к царю все, включая бояр, чувствовали себя рабами, личность, приезжавшая из Европы, из германских княжеств, как бы растворялась и не могла проявляться открыто, как у себя на родине. От иноземной личности в России требовался только профессионализм, и она проявляла его, чаще всего, в полной мере.

Русское правительство двойко относилось к пребыванию в России иноземцев. С одной стороны, иноземцы делали то, чего русские эффективно делать пока не могли: внедряли новые технологии в строительном деле, в горнометаллургической промышленности, в начатках здравоохранения, помогали строить армию, служили в ней. Они сыграли важную роль в формировании российской технической интеллигенции и в подготовке офицерского состава. Однако, с точки зрения православной церкви иноземцы являлись потенциальными разносчиками «ересей

поганных», поэтому идеологический барьер был особенно строг в течение всего допетровского периода.

Поменять родину на далекую Московию европейца могли заставить только особые условия проживания на чужбине. Иноземцы получали более высокое, чем на родине жалование и исключительные привилегии. В XVI веке им предоставлялось право продавать в розницу хмельные напитки, а значит, всегда иметь на руках наличные деньги, даже если вдруг правительство опаздывало с выплатой жалованья.

Первая группа итальянцев попала в Московское государство в 1472 году в составе многочисленной свиты, сопровождавшей из Рима племянницу последнего византийского императора Софью Палеолог. Это были архитекторы и мастера в основном из Италии, где было развито градостроительное и фортификационное искусство, преимущественно каменное. Все приехавшие итальянские архитекторы строили Московский Кремль. Однако, уже в XIV веке русское правительство стало интересоваться не только итальянцами, но и представителями, в частности, из немецких княжеств.

В течение всего XVI века русское правительство приглашало рудознатцев, то есть мастеров, умеющих находить и плавить золотую, серебряную и медную руду. Практически на откуп иностранцам, сначала итальянцам, затем немцам и англичанам, было отдано медицинское обслуживание царской

семьи и близкому к трону кругу аристократии. С конца XV века присутствие при русском государе иноземных врачей, а затем и аптекарей, стало носить непрерывный характер. При Василии III были уже немецкие врачи, именовавшиеся по-русски Николай Луев из Любека и Феофил, которого прислал герцогом Пруссии Альбертом [Немцы в России, Энциклопедия, т.2, с. 411-412].

Первая царская аптека была открыта в 1550 году, а Аптекарский приказ – в 1581 году. В источниках называются немецкие аптекари Ганс Шлитт, Арендт, Классен фон Штеллинсфорт [Немцы в России, Энциклопедия, т.1, с. 67]. В 1570-х годах царя лечил немец из Вестфалии Елисей Бомелий. В конце правления Ивана IV его домашним врачом был Иоганн Лофф [Горсей, 1909, с.30, с.56].

В те времена приглашение иноземцев носило большей частью секретный характер. Русское правительство сознательно приглашало их тайком и отказывало во въезде тем иноземцам, кто самостоятельно проявлял к этому интерес. Инициатива иноземцев рассматривалась как покушение на государственный суверенитет. В 1492 году русское правительство отказало во въезде немцу Михаилу Снупсу, желавшему «осмотреть все любопытное в нашем отечестве, учиться языку русскому, видеть обычаи народа и приобрести знания, нужные для успехов общей истории и географии» [Карамзин, 2004, с.510]. Карамзин предположил, что Иван III боялся немца как лазутчика и не хотел, чтобы он видел наши

северо-восточные земли, где только что были открыты с участием иноземцев серебряные руды [там же, 2004, с. 510].

В 1547 году говоривший по-русски саксонец Ганс Шлитт уговорил царя послать его в «Немецкие земли», чтобы от его имени пригласить в Москву ремесленников, врачей, аптекарей, типографщиков. Шлитт набрал в немецких землях около ста двадцати человек разных специальностей, среди которых были 4 врача, 4 аптекаря, 8 цирюльников, 8 подлекарей [Немцы в России, Энциклопедия, т.2, с. 412]. В этом примере для нас важным является не только количество завербованных или добравшихся до нового места службы специалистов, но само умственное движение царя, настроенного на их приглашение.

Приглашение иноземных мастеров разных специальностей постепенно становилось фактом государственной политики России. Редко какое посольство в Европу обходилось без их найма. Иноземцы были представлены даже в опричнине. По свидетельству царского опричника Генриха Штадена вместе с ним опричниками стали еще три иноземца: немец Каспер Элферфельд и два лифляндских дворянина: Иоганн Таубе и Элард Крузе [Штаден Г., 2008, т.1, с. 559] [Карамзин, 2004, с.695].

Исключительно ценные сведения о разнообразии специальностей и бытовой жизни иноземцев в России дает дневниковая литература. Читая составленные ими описания условий жизни в России, язык не повернется обвинить их в

заведомой лжи или искажениях, когда они упоминают других иноземцев, их профессии, семейное положение. Генрих Штаден в своих записках писал: «В Москве великий князь пожаловал мне двор; в нем жил прежде один [католический] священник, который был приведен пленником из Полоцка в город Владимир...Около этого двора есть еще другой двор: в нем жил некий немец по имени Иоганн Зеге, бывший слуга покойного магистра Вильгельма Фюрстенберга. Ему я одолжил годовое жалованье. На него он купил себе двор поблизости от меня. У него была жена уроженка города Дерпта...она занялась корчемством [продажа спиртного] и на своем и на моем дворе» и далее: «Во время чумы этот мой сосед умер, а жена его собралась выехать из Москвы вместе с женой мастера-цирульника Лоренца» [Штаден Г., т.1, с. 563, 564]. Московские приказы, служившие первоначально и архивами, при пожарах сгорали дотла и имена Иоганна Зеге, Вильгельма Фюрстенберга, Лоренца и других стали нам известны только благодаря этим запискам. Штаден упомянул также проживавшего в Москве немца Ганса Купфершмидта, который якобы знал водное дело, но, в конце концов, занялся более выгодным корчемством [там же, т.1, с.564].

В царствование Бориса Годунова (конец XVI - начало XVII века) произошла первая серьезная попытка русского правительства пригласить из-за границы учителей, которые учили бы россиян конкретным специальностям на месте. Но православная церковь выступила решительно против.

Царь все же выбрал **восемнадцать** дворянских сынов, из которых шесть было послано в Любек, шесть в Англию и шесть во Францию, чтобы их там обучили. Из 18 человек в Россию вернулся только один [Бусслов, 1961, с. 84]. Следствием этой неудачи стала командировка в Любек в 1600 году переводчика Посольского приказа **немца** Рейнгольда (Романа) Бекмана с целью пригласить в Москву врачей, рудознатцев, суконников и часовщиков. Две последние специальности (ткач и часовщик) расширяют перечень востребованных Москвой специалистов. В результате командировки Бекмана из Германии прибыли несколько врачей и аптекарей: Давид Фасмер и Генрих Шредер (Любек), Иоганн Хилькен (Рига), Каспар Фидлер (Кенигсберг). [Бусслов, 1961, с. 341].

Перейдем к краткой характеристике ситуации в XVII веке. Потрясения Смутного времени убедили царский двор в необходимости окончательно отказаться от культивируемой в православном сознании идеи исключительности русского пути и стать на путь последовательной европеизации московского государства. В XVII веке иноземцы продолжали приезжать в Московское государство по тем специальностям, которые были востребованы Москвой в течение всего XVI века и по некоторым новым специальностям, но уже в гораздо большем количестве. Одновременное присутствие в России XVI века десятков нанятых за границей иноземцев, сменилось в XVII веке наймов уже сотен иноземцев.

В горнорудной промышленности в виду ее особой важности культурно-языковые контакты россиян с иностранцами как способ передачи знаний и навыков носили уже абсолютно перманентный характер. В 1635 году немец Арист Петцольд с 15 иноземными рабочими построили на реке Камгорке в Соликамском уезде медеплавильный завод.

Ключевский писал: «Вслед за рудознатцами потянулись в Москву из-за границы по зову правительства мастера пушечные, бархатного, часового дела и «водяного взвода», каменщики, литейщики, живописцы: трудно сказать, каких только мастеров не выписывала тогда Москва и все с условием: **«нашего б государства люди то ремесло переняли** (выд. авт.)» [Ключевский, 2005, с.487-488].

Выходцы из немецких земель служили и в русском войске. Как показывают документы, в XVII веке немцы служили, в основном, на низших командных должностях, где смычка с рядовым составом была наибольшей.

Доктора и аптекари, были, вероятно, единственными профессиями, в чью обязанность не входила подготовка русских учеников. Кроме царя они могли лечить других представителей русской знати только по разрешению самого государя, а это значит, что контакты иноземных врачей даже с царскими приближенными были сведены к минимуму. Высокий статус квалифицированных врачей, всевозможные льготы и щедрое жалование способствовали их постоянному приезду.

Иностранцы приезжали в Россию в одиночку, семьями, часто с прислугой или помощниками. Состав слуг у первых лиц в значительной части был иноземный. У Генриха Штадена служили: супружеская пара Ганс и Анна, Герман из Любека и некто Альбрехт [Штаден Г., 2008, т.1, с. 395, 560, 579]. Слуги, имели постоянные контакты с русскими людьми на своем уровне.

Значительное влияние немцы оказали в ювелирном деле. В 1632 году в Москве трудился «алмазник и золотарь» Пауль (Павел) Гелмар. В 1638 году золотую братину сделал немчин Индрик Аренс [Железнов Вл.]. В середине XVII века в Золотой и Серебряной палатах Кремля работали иноземные мастера, в числе которых были немцы Юрий Фробос, Дитрих Левкен, Иоганн Эллих и другие. Среди царских живописцев был немец Ерофей Еллина [Немцы в России, Энци-дия, т.2, с. 559]. В 1664 году в Москве работал серебряных дел мастер Яков Санкоп [Железнов Вл.]. В 1691 году в Оружейной палате Московского кремля трудились иноземцы Данило Артман и Николай Ромсвинкель [П.С.З., т.3, № 1398, с.92]. В документах за 1690 год отмечена работа золотых дел мастера немца Ефима Коперта [Железнов Вл.].

Следует упомянуть и такую прослойку из иноземцев как переводчики и толмачи Посольского приказа. В течение всего XVII века в русском внешнеполитическом ведомстве на постоянной основе служили несколько десятков переводчиков

из иноземцев, в частности, немцев. Их использовали также в качестве гонцов и посланников.

Иноземцы не могли жить и работать в России в полной изоляции от православного мира, даже соблюдая все запреты, налагаемым православной церковью на контакты иноземцев с русским населением. Повторимся, что и слуги и жены, приезжавших в Московское государство специалистов, в силу специфики своих профессиональных и семейных обязанностей, были вынуждены пусть в редуцированном из-за запретов виде контактировать с местным населением, а значит, так или иначе, преодолевать эти запреты. 1652 году в ответ на очередной повтор о запрете русским людям служить у «некрещеных» из Иноземного приказа пришло распоряжение оставить у иноземных офицеров русских денщиков [Орленко, с.186]. В 1686 году в одном только Архангельске и Холмогорах на дворах у иноземцев трудились около 60 русских слуг и работных людей, а также членов их семей [там же, с.75].

В 1650-х годах патриарх Никон запретил русским ремесленникам брать к себе иностранных учеников и учить их русскому языку! Орленко приводит данные, когда нескольким детям купцов из Нарвы, Ревеля и Любека пришлось вернуться из России из-за этого запрета домой [Орленко, с.152]. Таким образом, попытка некоторого послабления в деле расширения контактов с иноземцами, предпринятая правительством Годунова, была пресечена русской церковью в лице патриарха Никона. Запрет на учебные контакты с иноземцами носил

самый радикальный характер – последним было просто отказано в общении с русскими.

Высокопоставленные иноземцы постоянно приглашались на официальные мероприятия при дворе. При Алексее Михайловиче по протоколу у царского стола находились не только иноземные дипломаты, но и иноземные офицеры. [Орленко, с.156].

Несмотря на запреты, многое себе позволяла русская знать. Она приглашала в свои дома иноземных генералов и офицеров, дипломатов и купцов. Иногда эти визиты перерастали в дружеские отношения. В 1678 году в Немецкой слободе проводился розыск по делу о разгроме англичанами караульного помещения и убийстве стрельца. Среди опрошенных оказался иностранный офицер ротмистр Иван Иванов сын Март. Последний заявил, что ничего не может сообщить по сути дела, так как в тот вечер был в гостях у стольника князя Михаила Волконского [Орленко, с.177]. Московская знать не только приглашала иностранцев к себе, но и принимала участие в развлечениях и праздниках, организуемых самими иностранцами.

Большое культурное влияние на российский официальный и неофициальный быт оказывала расположенная недалеко от села Преображенского, где проживал Петр I, Немецкая слобода («Кукуй»). Распоряжение об отводе земель под Немецкую слободу было сделано по инициативе патриарха

Никона в 1652 году, для того, чтобы оградить чистоту русской веры от «европейской ереси».

Во второй половине XVII века состав специальностей, по которым трудились жившие в Немецкой слободе иноземцы, в частности немцы, заметно расширился. Появились немецкие столяры, сапожники, портные, седельники, горшечники, мастера по кружевам и парикам. Одних только портных по переписи 1665 года в Немецкой слободе было 10 человек [Орленко, с. 48-49].

В Немецкой слободе царило многоязычие и более свободные утонченные нравы. Немцы умели интенсивно работать, но умели и досуг посвящать европейским удовольствиям, незнакомым россиянам. Систематические контакты россиян с жителями Немецкой слободы раскручивали в сознании первых не просто терпимость по отношению к иностранцам, но активную заинтересованность в общении с ними. Жители Немецкой слободы моделировали в своих усадьбах европейский парковый ландшафт.

Большую часть населения Немецкой слободы составляли немцы. Прямым подтверждением этого является тот факт, что в 1680-е годы из трех протестантских церквей в Немецкой слободе две были лютеранские и одна реформаторская (голландская) [Орленко; 51]. Кирха была и в Нижнем Новгороде. Протестантские церкви были также в Архангельске, Туле и Казани, что свидетельствует о наличии там, в частности, немецких колоний. В Архангельске к концу

XVII века их было даже две. Наличие каждой протестантской кирхи предполагало присутствие не менее полусотни платежеспособных прихожан, которые составляли общину [Орленко; с. 49].

Небольшие группы иноземных офицеров проживали также в Серпухове, Ярославле, Вологде, Холмогорах, Новгороде, Пскове, Переславле, Белгороде и Астрахани, Киеве, Липецке, Чернигове, Смоленске, Курске, Ростове и некоторых других, где дислоцировались воинские гарнизоны. Отдельные группы иноземных военных специалистов посылались для формирования полков «нового строя» даже в сибирские города [Орленко, с. 49-50].

Идеологическая предубежденность против «нехристей поганых» уживалась с нормальным и вполне благожелательным отношением к иностранцам. К ним обращались за разной помощью, в частности, за медицинской, у них занимали деньги или просили милостыню, их допускали в храмы и удостоивали благословения, то есть на уровне бытовых и деловых отношений доминировала, как минимум, терпимость [Орленко, с.164]. Иноземцы постепенно становились интересными и доступными для русских людей именно в неофициальном общении.

Итак, все контакты между россиянами и иноземцами, находящимися в России, можно свести к следующим: *профессиональные, официальные, административно-правовые, сфера услуг и бытовое общение.*

1. **Профессиональные** - контакты, связанные с выполнением контрактных обязательств.

2. **Официальные контакты.** Иноземные генералы и старшие офицеры приглашались на торжественные мероприятия царского двора и праздничные трапезы.

3. **Административно-правовые.** Для администрации приказов, съезжих изб, для части придворных, общение с иноземцами являлось служебной обязанностью.

4. **Сфера услуг.** Росла сфера предоставляемых иноземными мастерами услуг. Русские люди периодически делали заказы у иноземных портных, мастеров кружевного дела, сапожников, столяров и других. Русская знать систематически контактировала с иноземными врачами. Иноземные офицеры часто имели русских денщиков, в семьях гражданских иноземцев были русские слуги.

5. **Бытовое общение.** Ширились формы неофициального бытового общения: гостевые визиты высокопоставленных россиян к иноземцам и иноземцев к россиянам. Это позволяет говорить уже о зарождении духовной близости светского порядка между высшими слоями русского общества и иноземцами.

Контакты россиян высокого должностного положения с иностранцами были по своим коммуникативным характеристикам разнотипными и систематическими, но для широких слоев русского общества бытовая культура иноземцев оставалась в основном закрытой. Стремительное расширение

этих контактов произошло уже на рубеже XVII-XVIII веков. Россия, кажется, только ждала властной команды сверху, и она последовала – от Петра I.